

УДК 903.3+903.022(470.22)

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК В ФИНАЛЕ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТЕ КАРЕЛИИ

И. Ф. Витенкова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена процессам изменения полуземлянок в конце каменного века – начале эпохи металла. Древнее население намного больше зависело от природной среды, чем современное, и было вынуждено приспосабливаться к ее особенностям. Размещение древних поселений и других объектов (жилищ, очагов) на местности зависело от особенностей ландшафтов и подчинялось определенным закономерностям, пока недостаточно установленным. Выявление возможных связей между изменением палеоландшафтов и эволюцией жилых построек представляет интересную научную задачу, для окончательного решения которой потребуются дальнейшие исследования. В работе использованы материалы двух пока неопубликованных археологических памятников с жилищами – Кудамгуба VII и Шелтозеро XII, на которых были обнаружены и раскопаны остатки жилищ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жилища, ландшафт, деревянный, стены, пол, очаг, керамика, асбест, каменные орудия.

I. F. Vitenkova. EVOLUTION OF DWELLINGS IN THE LATE NEOLITHIC AND THE ENEOLITHIC PERIODS IN KARELIA

The paper deals with the evolution of dwellings in the late Stone Age – early Metal Age. Ancient people were more dependent on the natural environment than modern people, and had to adjust to its features. The siting of old settlements and other objects (dwellings, hearths) depended on the characteristics of the palaeolandscape, and followed certain, as yet insufficiently known patterns. Identification of potential links between the alteration of the landscape and the evolution of dwellings is an intriguing scientific task that requires more research to be ultimately solved. The study used materials from two yet unpublished archaeological sites with dwellings – Kudamguba VII and Sheltozero XII, which date closely but are situated far apart.

К e y w o r d s : dwellings, pottery, landscapes, space between swells, hearths, asbestos.

Хотя современная геологическая, геоботаническая и гидрологическая обстановка в Карелии изучена основательно, сведений о динамике ландшафтов прошлого и о палеоландшафтах как целостном образовании пока недостаточно. Однако успехи в области палинологии позволяют реконструировать отдельные элементы па-

леоландшафтов. В течение последних десяти тысяч лет происходили постоянные изменения климата и всех природных факторов, формирующих растительность и ландшафты того или иного временного интервала. Наиболее значительные изменения произошли в начале атлантического времени (повышение среднегодовых

температур на 2–2,5°). Время максимального потепления 6000±250 л. н., в суббореале, после глобального похолодания, датируемого временем 4800–4500 л. н., климатические параметры стали близки к современным [Елина, Лукашов, Токарев, 2005. С. 5–13]. Показательно, что именно эти временные интервалы совпадают с периодами существования жилых построек, оставленных носителями гребенчато-ямочной и ромбоямочной посуды (время потепления), и жилищ носителей керамики с примесью асбеста (время похолодания).

Поселения каменного века и начала эпохи металла достаточно удачно вписывались в палеоландшафты. Избирательное отношение древнего населения к окружающей среде заметно по неравномерной концентрации археологических памятников на местности. Древние жители предпочитали для расселения удобные места, в которых и фиксируются скопления археологических памятников, причем нередко разновременных. В чем заключалось удобство? Близость водоема, богатого рыбой, сухая, относительно ровная терраса, пригодная для устройства поселения и хозяйственной деятельности, песчаная почва, на которой не застаивается дождь и талые воды. Перечисленные факторы хорошо известны. Их можно назвать явными, хорошо заметными. Но есть и другие особенности ландшафта, которые были совершенно ясны для древнего человека, но не всегда понятны современному исследователю. Например, насколько степень освещенности склона террасы в разное время дня и года влияла на удобство проживания, мешал ли крутой спуск к воде, каковы были господствующие ветры в данном районе и насколько они препятствовали или способствовали хозяйственной деятельности и быту. Иными словами, человек жил не в абстрактной природной среде, а в конкретном природном территориальном комплексе (ландшафте). К сожалению, исследования древних поселений с точки зрения особенностей ландшафта проводились сравнительно редко.

На поселениях без жилищ очертания пятен культурного слоя приблизительно соответствуют контурам площадки террасы. Границы территории археологического памятника обычно бывают естественными (повышение или понижение уровня поверхности террасы, обрыв, болото, скалы). Находки, очаги, хозяйственные ямы концентрируются в центральной части поселений. На памятниках с полуземлянками культурные остатки и находки сосредоточены в жилищах, между постройками их количество незначительно. Это позволяет

предположить, что на поселениях с жилищами люди обитали только в зимний период, то есть такие поселения были сезонными [Витенкова, 2002. С. 55].

При раскопках древних поселений нередко обнаруживаются более или менее сохранившиеся остатки жилых построек. Их размещение и особенности конструкции безусловно связаны не только с культурными традициями и хозяйственными навыками населения, но и с особенностями окружающего ландшафта.

Жилища обычно прослеживаются на современной дневной поверхности в виде впадин овальной, иногда округлой или подпрямоугольной формы, размером 5–7 × 8–10 м, глубиной жилищной впадины 40–60 см. Следует отметить, что иногда естественные западания между валами можно принять за жилищные впадины, поэтому в некоторых случаях на месте впадин при раскопках следов жилищ не обнаруживается. Так, на поселении Черная Губа III в одной из четырех раскопанных впадин жилища не оказалось; на соседнем памятнике Черная Губа IV из трех раскопанных впадин жилище четко выявилось только в одной; на месте другой следы жилища прослеживались только стратиграфически, видимо, постройка существовала очень короткое время; в третьей впадине жилища не было [Витенкова, 2002. С. 21–35].

В период раннего неолита на поселениях с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой следы наземных или слегка (на 15–25 см) углубленных жилищ удавалось обнаружить в редких случаях [Журавлев, 1991. С. 125–127; Косменко, 1992. С. 115, Лобанова, 2009. С. 44–68]. Количество и разнообразие жилищ заметно увеличилось в позднем неолите и энеолите, что совпадает с климатическим оптимумом. К настоящему времени исследовано более двадцати поселений с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, количество раскопанных на них жилищ приближается к пятидесяти (рис. 1).

Жилища обычно находятся на террасах с намывными валами, образованными деятельностью озера. Жилая постройка располагается в междувалье, длинными стенами параллельно валам. Благодаря этому жителям не приходилось тратить много усилий для выкапывания котлована. Обычно центр жилища углублялся незначительно, выравнивался и подкапывался только грунт у стен. Выходы делались в торцовых стенках, т. е. были направлены параллельно берегу, скорее всего для того, чтобы ветер с озера не попадал в жилище. Наиболее ранние жилища позднего неолита имели два выхода в противоположные стороны.

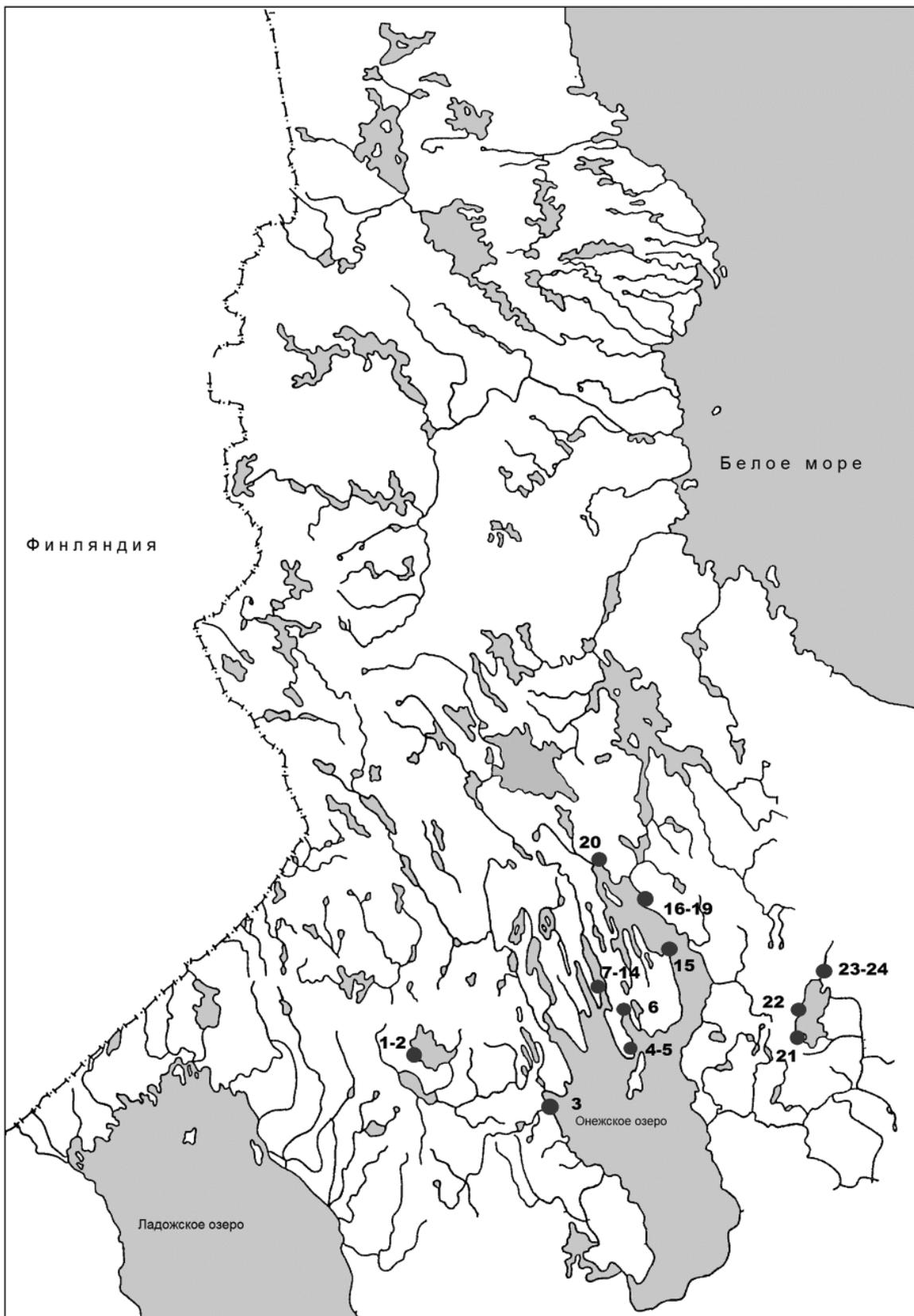

Рис. 1. Поселения с жилищами с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой на территории Карелии. ● – поселения:
 1, 2 – Питкяламба I, IV; 3 – Вигайнаволок I; 4, 5 – Возмариха 2, 4; 6 – Широ́й-наволо́к I; 7–14 – Пегрема I, II, III, VII, X, XII, XXIX, XXXIII; 15 – Клим I; 16 – Оровнаволо́к XVI; 17–19 – Черная Губа III, IV, IX; 20 – Сандермо́ха I; 21 – По́га I; 22 – Охто́ма I; 23, 24 – Илекса I, III

Так как в условиях Карелии деревянные конструкции жилых построек со временем почти полностью исчезают и прослеживаются в основном по следам в грунте, особое внимание приходится уделять очертаниям основания жилища. При сравнении оснований жилищ, связанных с гребенчато-ямочной и ромбоямочной посудой, выявляется существенная разница. На более ранних поселениях с гребенчато-ямочной керамикой (Черная Губа III) в большинстве случаев основания имели прямоугольные пропорции. Длинные и короткие стены соотносятся как 3:2, лишь в трех жилищах из десяти основания близки к квадратным. Наибольшая длина стен составляет 11 м, наименьшая – 3,6 м. Средняя их площадь 30–40 м². Между тем на поселениях с ромбоямочной посудой очертания большинства жилищ почти квадратные.

Другим важным элементом конструкции является степень углубления основания жилища в почву. Углубление пола всех исследованных жилищ составляет обычно не более 0,4–0,5 м, более глубокие жилища чрезвычайно редки. Учитывая расположение жилищ между песчаными намывными валами, а также толщину перекрывающего дерна и подзолистой почвы, приходится констатировать, что фактически в землю вкапывались только 1–2 нижних бревна стен. Уровень пола почти совпадал с древней дневной поверхностью. Видимо, пол в основном выравнивали, а углубляли лишь незначительно. Полы жилищ обычно представляют собой площадки плотно утоптанного, ожелезненного песка. В центре жилищ с двумя выходами или у дальней стены (если выход один) часть пола покрыта рыхлым песком. Видимо, здесь располагались спальные места (нары?) [Витенкова, 2002. С. 28].

Выходы из жилищ фиксируются по цвету слоя (окрашенного охрой) и распространению находок. После расчистки образуются канавки, углубленные в материк, шириной 1–2 м, их уровни примерно соответствуют уровню полов. Количество выходов связано с формой основания. У жилищ длинных пропорций два выхода, у жилищ квадратной формы – один. Особенности конструктивного оформления выходов неясны.

Жилища позднего неолита были обнаружены на памятниках северного побережья Онежского озера (Оровнаволок XVI – раскопки Н. В. Лобановой, Черная Губа III, IV, IX) и на Заонежском полуострове (Ширый-наволок I, Пегрема II, Вождариха 2, 4). В бассейне Водлозера выявлено одно жилище с гребенчато-ямочной посудой на поселении Пога I [Журавлев, 1991. С. 32–39; Мельников, 2001. С. 201–203; 2005. С. 216–248; 2006. С. 98–105; Витенкова, 2002. С. 21, 73]. Остальные связаны с комплексами ромбоямочной

керамики. В бассейне Сямозера, на поселении Лакшозеро II с выразительным комплексом гребенчато-ямочной посуды нет следов полуземлянок, не зафиксированы и какие-либо признаки наземных построек [Витенкова, 1986. С. 119–138]. Но в этом же районе вскрыты два жилища с ромбоямочной керамикой на поселениях Питкяламба I и IV – раскопки А. П. Журавлева.

В период позднего неолита на некоторых памятниках (Черная Губа IX, жилища 1–4) выявлено попарное размещение жилых построек: рядом с жилищем удлиненных пропорций располагалось жилище меньшего размера квадратных очертаний. Были ли эти постройки соединены – неясно, однако распространение находок в жилищах 1 и 2 на поселении Черная Губа IX указывает на отсутствие переходов между жилищами. Более позднее жилище на поселении Черная Губа IV, одиночное, почти квадратных очертаний, сравнительно небольшого размера, с одним очагом и выходом.

Жилища, которые можно с большей или меньшей уверенностью связывать с ромбоямочной посудой, на территории Карелии насчитывается свыше 30. Их количество превышает число жилищ, относящихся к комплексам с гребенчато-ямочной керамикой. Значительно шире и территория, на которой они встречаются. В бассейне Водлозера выявлено пять полуземляночных жилищ, связанных с ромбоямочной керамикой (Охтома I, Илекса I и III). На памятниках с ромбоямочной посудой известны и одиночные жилища с одним выходом, и жилища, соединенные переходами (на поселении Пегрема VII выявлен комплекс из трех жилищ, соединенных переходами [Журавлев, 1991. С. 45–55]), но одиночные почти квадратные жилища преобладают.

На поселениях с асбестовой и пористой посудой встречаются жилища различных пропорций, как с одним, так и с двумя очагами и выходами. Количество поселений этого времени с раскопанными жилищами составляет около четырех десятков, а количество вскрытых жилищ приближается к семидесяти (рис. 2). В этот период не только значительно увеличилось число жилых построек, но и расширилась к северу территория их распространения, хотя в этот период времени на территории Карелии наблюдается похолодание (рис. 1, 2). Увеличение числа памятников и продвижение их к северу показывает хорошую адаптацию населения к природным условиям. Об этом же говорит и увеличение количества стационарных жилищ. Причем, в отличие от жилищ позднего неолита, энеолитические жилища очень четко выделяются на поверхности, хорошо видны их правильные прямоугольные

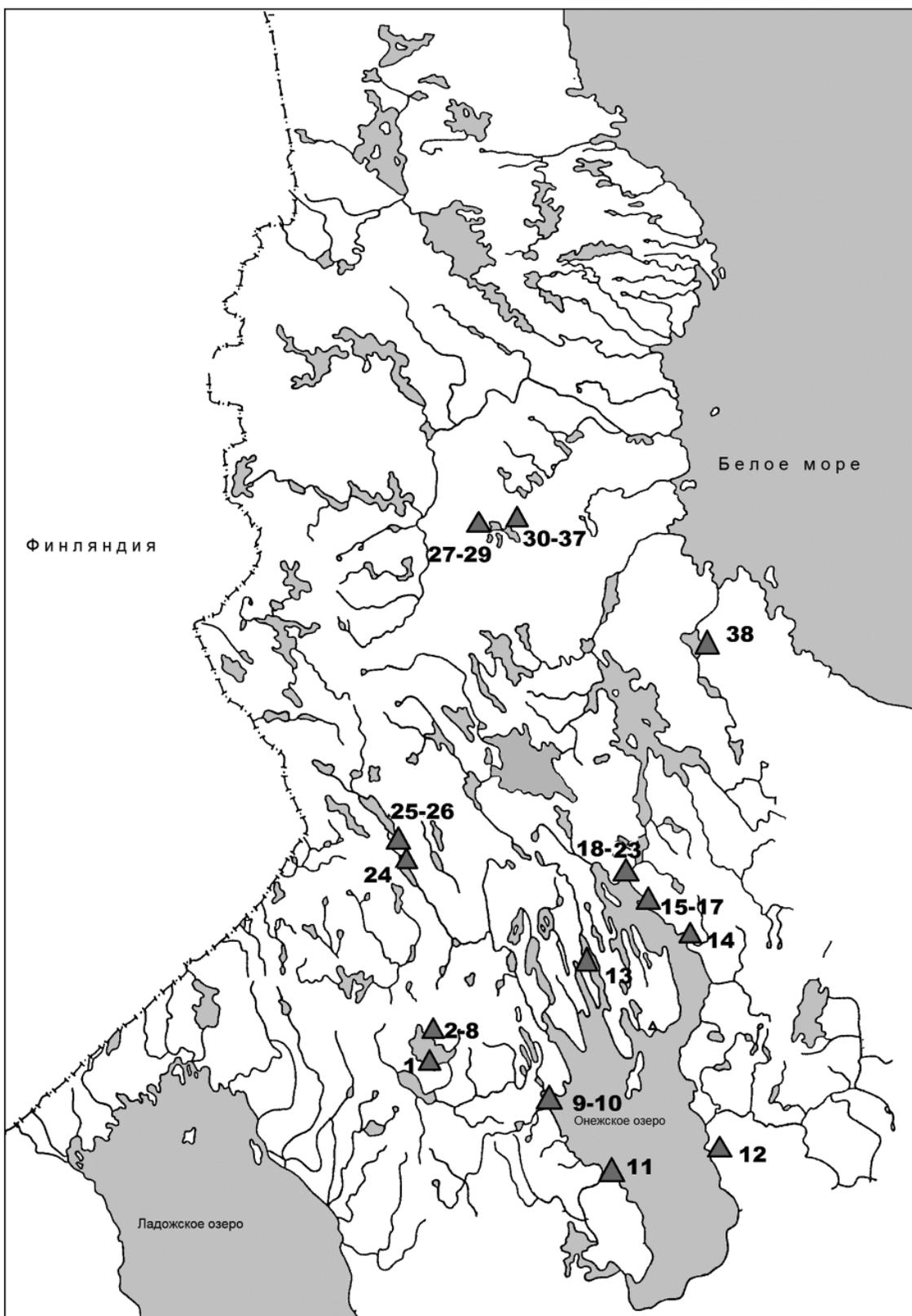

Рис. 2. Жилища, исследованные на поселениях с асбестовой и пористой керамикой на территории Карелии. ▲ – поселения с жилищами:

1 – Курмойла IV; 2, 3 – Кудома X, XI; 4, 5 – Лахта II, III; 6–8 – Сулгу III, IIIa, Va; 9 – Вигайнаволок II; 10 – Пески IV; 11 – Шелтозеро XII; 12 – Кладовец IX; 13 – Палайгуба II; 14 – Челмужская Коса XXI; 15 – Оровнаволок XVI; 16, 17 – Черная Губа VII, IX; 18–23 – Кочнаволок II, Войнаволок X, XXIV, XXV, XXVII, XXXVIII; 24 – Чудозеро IV; 25, 26 – Кудамгуба IV, VII; 27–29 – Березово IX, XIV, XVIII; 30–37 – Тунгуда III, IV, V, VI, XII, XIV, XV, XVII; 38 – Сумозеро XV

очертания и даже выходы. Особенно это заметно на поселениях бассейна Белого моря [Жульников, 2005. С. 43–45]. Поэтому можно достаточно уверенно утверждать, что далеко не все существующие жилища этого времени раскопаны, их действительное количество намного больше. Однако на многослойных памятниках, сосредоточенных в бассейне Водлозера и в низовьях Выга, полуземлянок не выявлено. В большинстве таких пунктов, вероятно, существовали сезонные стойбища. Не исключено также и существование наземных жилищ, впоследствии разрушенных хозяйственной деятельностью. Следы такого наземного жилища были раскопаны М. Г. Косменко на поселении Кочнаволок II. Постройка (8×4 м) была выявлена по пятну розового песка, окрашенного охрой, с большим количеством находок. В центральной части зафиксирован пол жилища в виде площадки твердого утоптанного песка [Косменко, 1992. С. 74–75]. На поселениях с жилищами-полуземлянками впадины расположены в один-два ряда. А. М. Жульников выделил два основных варианта жилищ: к первому отнесены постройки прямоугольных очертаний с двумя выходами, расположенными в центре коротких стенок, и двумя очагами, ко второму – полуземлянки квадратных или близких к квадрату очертаний с одним выходом и очагом. Жилища первого варианта больше по площади и преобладают количественно [Жульников, 1999. С. 34]. При изучении материалов археологических памятников с жилищами пока не вполне ясно, является ли разнообразие размеров и конструкций жилых построек случайным или намеренным, а также насколько особенности жилищ связаны с хозяйственными и бытовыми условиями населения. По этим вопросам можно высказывать только более или менее обоснованные предположения. Для примера рассмотрим материалы двух пока неопубликованных поселений.

Кудамгуба VII находится на северо-западной оконечности Кудамгубского озера, в 350 м от берега, на древнем мысу, к которому с севера и востока подступает обширное болото, бывшее озером во время существования поселения. В настоящее время территория стоянки возвышается над болотом на 1,8–1,9 м. Поселение было открыто Г. А. Панкрушевым в 1958 г., затем в 1984–85 гг. исследования были продолжены П. Э. Песонен (372 м²). Раскоп (240 м²), включавший жилищную впадину, располагался на краю древнего берега, занимая невысокий прибрежный вал, узкое междувалье и частично второй вал.

Жилищная впадина правильных овальных очертаний, расположенная в междувалье, была ориентирована длинной осью в направлении северо-запад–юго-восток в сторону берега

озера. Ее размеры 6×8 м, глубина в центральной части достигала 78 см. В западной части от нее отходил корытообразный выступ (выход) длиной до 3 м и глубиной 15–20 см. Под слоем подзола (10–20 см) впадину заполнял оранжевый пятнистый песок (25–40 см). На глубине 30–32 см от современной поверхности в жилище выявился пол, представлявший собой линзу коричневого сильно спекшегося песка с зольно-углистыми включениями толщиной 5–7 см, размерами 6×1,8–2,2 м. Следы сгоревших стен прослеживались в виде углистых линз и включений угольков, залежавших в слое серого песка, широкой полосой (до 2 м) окружавшего впадину. На глубине 40–45 см от современной поверхности на светлом слое окружающего материкового песка четко выявилась прямоугольная постройка, уничтоженная пожаром. По склону ее юго-западной стороны лежали части сгоревших бревен длиной до 4,5 м. Особенно отчетливо выделались северный, восточный и южный углы (рис. 3). Вдоль стен, на уровне нижнего венца, на глубине 50–60 см залегали полосы почти сплошного угля, которые с внешней стороны постройки были прикрыты чистым песком на 15–20 см, т. е. угольная полоса внешним краем заходила под песок. Видимо, стены снаружи были присыпаны песком для утепления. После зачистки на материке выявилась впадина (5,2–5,3 × 8 м) с почти плоским дном и прямыми стенками высотой до 40 см. Два выхода, в виде канавок, прослеженные в противоположных торцовых стенах, были направлены параллельно береговому валу и берегу болота (в древности – озера). У выходов из жилища залегали углистые линзы кострищ. Вероятно, эти небольшие костерки служили заслоном от комаров. Глубина выходов составляла 10–15 см от уровня материка. Очаг, сложенный из камней, размерами 1×1 м, обнаружен у стенки жилища, другой очаг, углубленный в землю, расчищен в яме, на глубине 25 см от древней поверхности, в его углистой линзе залегали два небольших валуна и отщепы кварца. Еще одна интересная деталь: вдоль длинных стен жилища на глубине 30 см от современной поверхности выявились округлые небольшие ямки (20–30 см диаметром, глубиной 10 см), заполненные охрой. Эти ярко-красные линзы располагались довольно симметрично вдоль длинных стен по две с каждой стороны. Запасы охры в горшках, ямках или в виде твердых кусков нередко встречаются в древних жилищах. В данном случае необычно симметричное расположение ямок с охрой. Рядом с северо-западным выходом из жилища был найден небольшой кусочек меди (бронзы?), а по обе стороны юго-восточ-

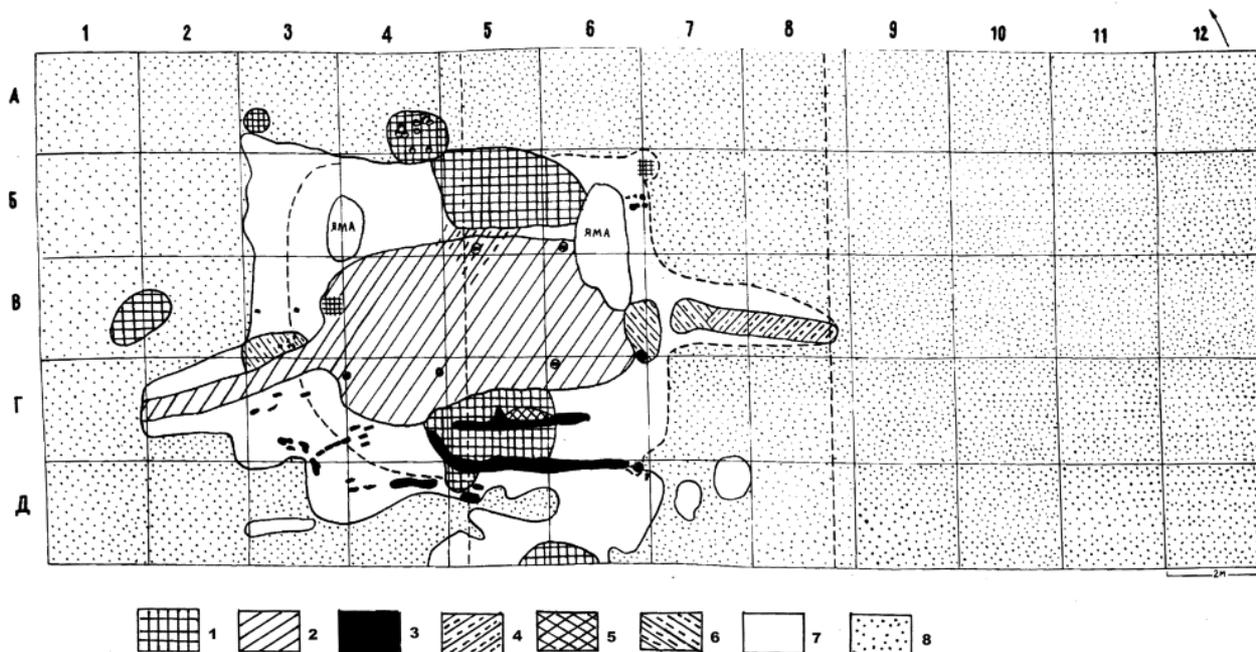

Рис. 3. Кудамгуба VII. План раскопа после выборки IV горизонта:

1 – углистый черный слой, 2 – оранжевый песок, 3 – угли, 4 – красновато-оранжевый песок, 5 – красный песок, 6 – коричневый песок, 7 – серый углистый слой, 8 – чистый материковый песок

ного выхода стояли плоскодонные горшки с примесью асбеста в глине. От первого сохранилось дно и часть стенок, второй сосуд сохранился почти полностью.

Коллекция изделий состоит из 512 фрагментов керамики (155 асбестовой, 5 – пористой, 182 – ромбоямочной, 48 – ямочно-гребенчатой, 62 – ямочной, 8 – сяряйс I, 52 – сперрингс), 3 обломков глиняных изделий, 317 каменных предметов, одной обработанной кости и кусочка меди. Отходы: кварца 2248, кремня 19, сланца 47, шифера 14, кусков асбеста 4, мелких кальцинированных косточек – 841.

Можно утверждать, что жилище связано с комплексом асбестовой керамики, так как лишь ее фрагменты концентрировались на полу жилища, у юго-восточного выхода и у очага. Сосудов насчитывается около десятка, все они плоскодонные, с венчиками, слегка расширенными сверху, иногда слегка загнутыми внутрь. Орнаментированы «елочкой» из оттисков длинных и коротких гребенчатых штампов, иногда веревочки. Керамика сделана из глины с умеренной, реже значительной примесью толченого асбеста. Иногда визуально заметна и примесь органики. Один из сосудов, орнаментированный оттисками редкозубого гребенчатого штампа, вылеплен из глины с примесью не только асбеста, но и кости.

Каменный инвентарь четко разделить на разновременные комплексы не удалось; в самом деле, обломки крупных рубящих орудий

(массивного топора и тесла прямоугольных очертаний) могли относиться и к более раннему времени, прочие изделия еще менее выразительны. Пожалуй, с жилищем можно определенно связывать обломки узких кремневых наконечников стрел с усеченным основанием.

По мнению П. Э. Песонен, автора раскопок, постройка была прямоугольной, срубной, нижние венцы клались прямо на землю, а с внешней стороны присыпались для тепла песком. Внутри постройки был вырыт неглубокий котлован, чтобы не сползал песок и не оголялись нижние венцы стен, он был по периметру укреплен еще рядом (а может быть, и двумя рядами) бревен. По углю из стенки жилища получена дата 4010 ± 80 (ТА-1893).

Поселение Шелтозеро XII, открытое Г. А. Панкрушевым в 1972 г., расположено на берегу Онежского озера в 50 м от уреза воды, в 600 м северо-западнее устья впадающей в него р. Шелтозерки. Неширокой полосой (длиной 100 м, шириной 15–20 м) стоянка тянется вдоль берега, занимая неглубокое понижение между третьим и четвертым береговыми валами и частично заходя за валы. На ее территории хорошо заметны четыре овальные впадины (размером 6–10 × 5–6 м), расположенные цепочкой между береговыми валами. Расстояние между впадинами 13–20 м. Раскоп 1973 г. (204 м²) заложен на месте одной из впадин, затем к нему для уточнения стратиграфии были прирезаны траншеи. На месте жилищной впадины выявля-

на довольно сложная стратиграфия, под слоем дерна и подзола залежали прослойки оранжевого, красного углистого и темного углистого песка. Пол жилища фиксировался по прослойке плотного коричневого ожелезненного песка. На месте юго-западной стенки жилища прослеживалась темная углистая полоса, толщиной 10–15 см, шириной 60–70 см, перекрытая беловатым песком с углями, вероятно, оставшаяся от сгоревших бревен.

В процессе раскопок была вскрыта жилищная впадина почти правильных прямоугольных очертаний, длиной 16 м, шириной от 4,8 м в северо-западной части до 5,7 – в юго-восточной. Площадь жилища с учетом толщины стен составляла около 70 м². Такое соотношение длины и ширины жилища встретилось в Карелии впервые (рис. 4). Судя по насыщенности культурного слоя углями, оно было уничтожено пожаром в древности, сгоревшие стены погребли под собой находившиеся на полу предметы. Видимо, поэтому на дне жилища сохранилось большое количество раздавленных глиняных сосудов и сравнительно многочисленный, хотя и довольно однообразный инвентарь. Дно жилищной впадины представляло собой довольно ровную площадку, на которой расчищены два кострища (1–1,5 м диаметром, углубленные в пол на 20–30 см), расположенные в центральной части жилища.

Коллекция изделий насчитывает 278 крупных (358 мелких) фрагментов асбестовой ке-

рамики и 19 крупных (80 мелких) фрагментов пористой, а также 268 орудий и нуклеусов из разных пород камня, отщепов и осколков кварца – 85, кремня – 11, сланца – 302, лидита – 6, песчаника – 13, кварцита – 35, куски асбеста – 3, глиняной массы – 3, обгоревшего дерева – 2, обгоревшей древесной коры – 6. Кроме того собрано 149 галек из сланца, 17 – из кварцита, 13 из песчаника, 1 – из лидита, 11 кальцинированных косточек, охра, древесный уголь. Материал орудий: сланец – 103, песчаник – 98, кварцит – 27, кварц – 20, лидит – 6, кремль – 11.

По венчикам выделено 23 сосуда, вылепленных из глины с большим количеством примеси мелко истолченных волокон асбеста. По форме они представляют собой плоскдонные горшки с выпуклыми боками и широким горлом, иногда профилированные. Толщина стенок от 3–5 до 6–7 мм, реже 8–9 мм. Большинство сосудов хорошего обжига, но встречаются и слабо обожженные, размокшие до тестообразного состояния. Орнамент чаще всего нанесен тонким гребенчатым штампом, образующим горизонтальные и косые линии, горизонтальный и вертикальный зигзаг (рис. 5: 1, 2, 4, 6). Реже встречаются простые узоры из короткого (двух- и трехзубого) штампа (рис. 5: 5, 7). Фрагменты пористой керамики орнаментированы коротким гребенчатым штампом, составляющим горизонтальный или вертикальный зигзаг или горизонтальные ряды (рис. 5: 3, 8). На венчике одного из сосудов заметны следы починки в виде просверленного отверстия (рис. 5: 2).

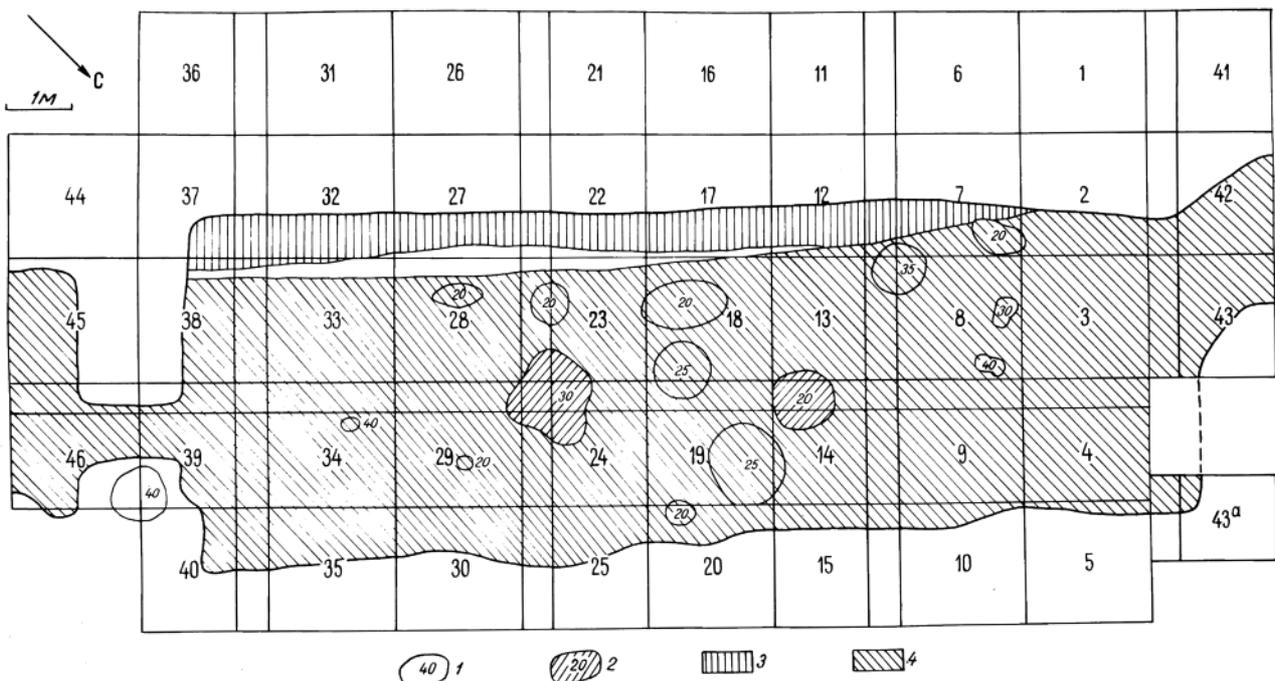

Рис. 4. Поселение Шелтозеро XII. План жилища на уровне пола:

1 – ямы, 2 – кострища, 3 – темный коричневый песок, 4 – углистый песок

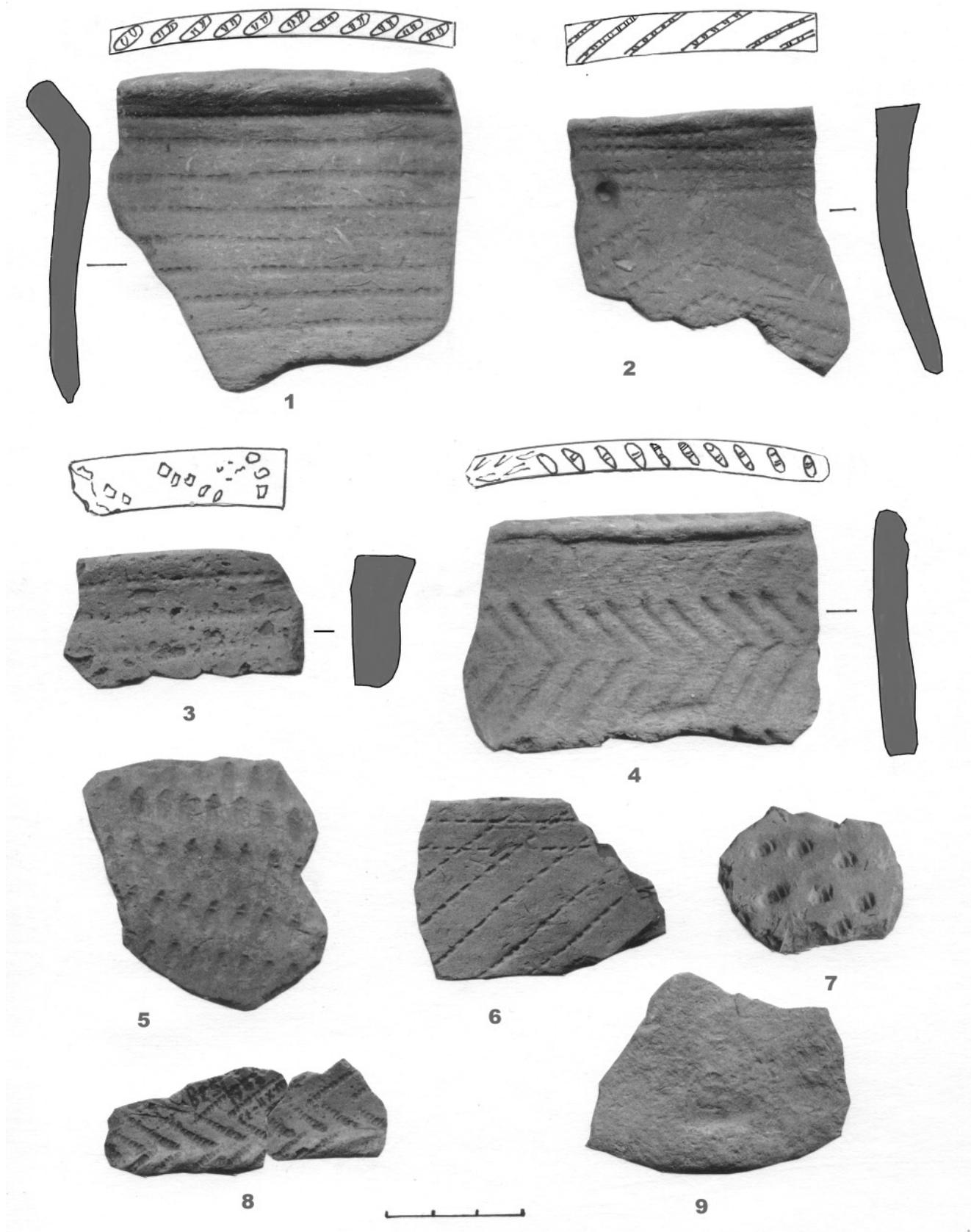

Рис. 5. Поселение Шелтозеро XII. Керамика с примесью асбеста и органики:

1–4 – фрагменты венчиков сосудов, 3 – венчик от сосуда с органической примесью, 5–7 – фрагменты стенок, 8 – придонная часть сосуда с примесью органики, 9 – фрагмент плоского дна

Каменный инвентарь поселения достаточно многочислен. Состав инвентаря типичен для памятников с асбестовой керамикой, сланцевые рубящие орудия отличаются хорошим качеством шлифовки и удлинёнными пропорциями, что характерно для этого периода. С другой стороны, в каменном инвентаре имеются некоторые особенности, не отмеченные в материалах других энеолитических поселений. Например, необычно большое количество абразивов (74 обломка шлифовальных плит, более 20 точильных брусков). Между тем, шлифованных орудий, вместе с обломками и заготовками, насчитывается только 33 экземпляра. Также слишком велико число рыболовных грузил, сделанных из плоских галек (44 экземпляра). Как правило, в материалах поселений их встречается не более 5–7 штук. На этом памятнике часто использовались гальки, применявшиеся для изготовления грузил, лощил, отбойников (рис. 6). Некоторые из них, возможно, предполагалось использовать в качестве заготовок подвесок. На большинстве галек следов обработки или использования нет, но они, несомненно, специально принесены на территорию стоянки и уложены компактными кучками, причем ино-

гда даже подобраны по размеру. Например, в юго-восточной части жилища, у его юго-западной стенки найдено скопление сложенных друг на друга продолговатых крупных галек. Признаков знакомства обитателей стоянки с металлом не выявлено.

Пропорции жилища настолько необычны, что другой аналогичной постройки на территории Карелии не обнаружено. Наибольшее сходство, пожалуй, можно найти с материалами поселения северного побережья Онежского озера Оровнаволок XVI (раскопки М. Г. Косменко). Хотя на последнем и не было таких длинных жилищ, как на Шелтозере XII, но жилище 2 также имело удлинённо-прямоугольные очертания и было снабжено тамбуром или пристройкой [Косменко, 1992. С. 72, рис. 12]. В керамике поселения можно найти и общие черты и различия с материалами Шелтозера XII. По мнению М. Г. Косменко, керамику Оровнаволока XVI можно отнести к поздней группе памятников с асбестовой керамикой, автор датирует ее согласно радиоуглеродным датам рубежом II – I тыс. до н. э. [Косменко, 1992. С. 130–145]. Возможно, к этому же времени относится и поселение Шелтозеро XII.

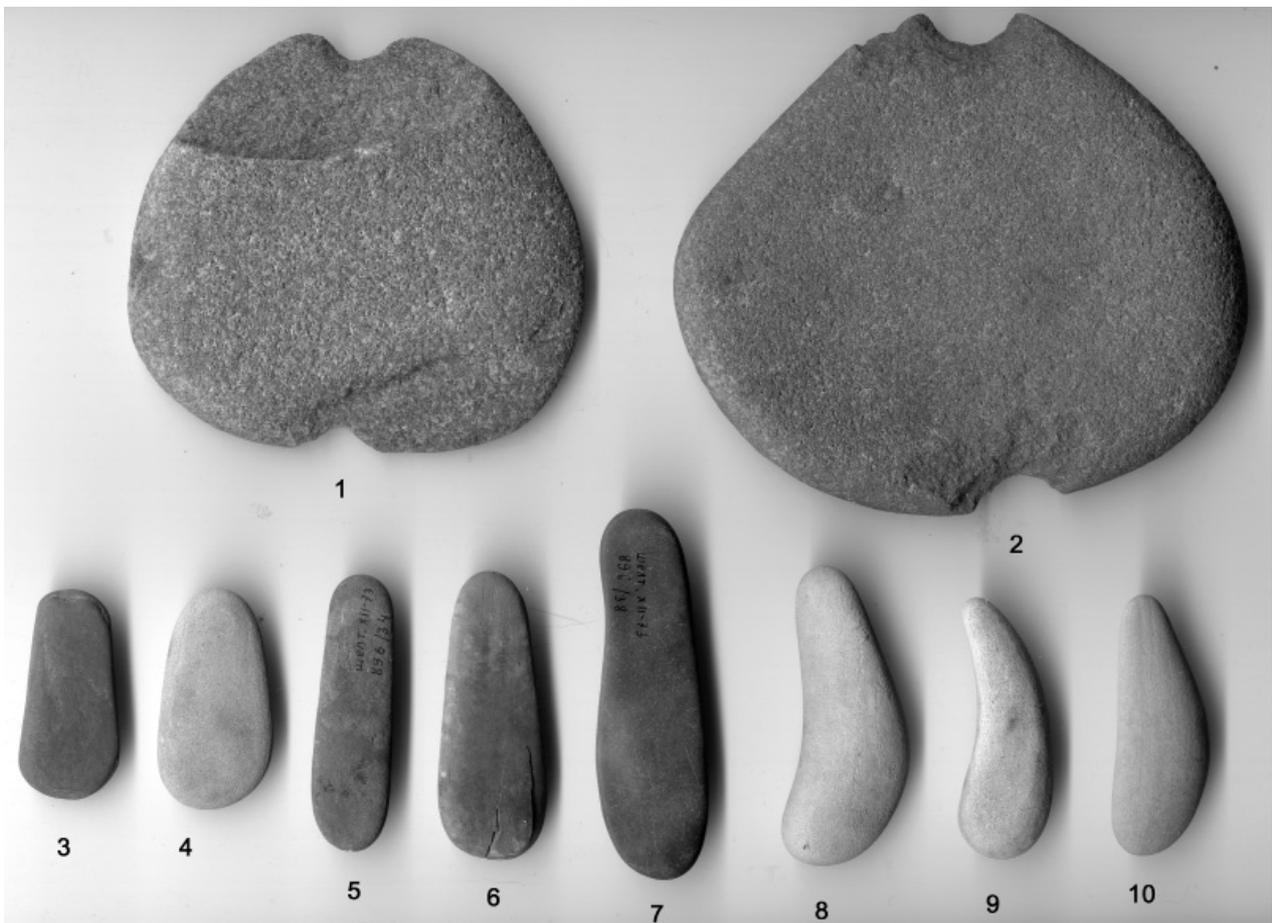

Рис. 6. Поселение Шелтозеро XII. 1, 2 – грузила из песчаника, 3–10 – сланцевые гальки

При сопоставлении материалов обоих памятников очевидно, что древние строители умело приспосабливались к особенностям ландшафта. Оба поселения расположены (Шелтозеро XII) или располагались в древности (Кудамгуба VII) поблизости от берега водоема. Жилища находились в междувальях и были ориентированы длинной осью вдоль валов. Выходы были направлены параллельно берегу водоема. Интересно, что хотя такое расположение выходов встречается чаще всего, есть и исключения. Так, в жилищах поселений, расположенных близ Пегремы, выход (обычно единственный) обращен к берегу озера [Журавлев, 1991. С. 72]. Безусловно, это не случайно, вероятно, какие-то природные особенности (направление господствующих ветров) делали удобным именно такое расположение выходов.

Всех археологов, вскрывавших древние жилища, интересовал вопрос о времени появления срубных построек в Карелии, а также с носителями какой культуры они связаны. В процессе исследования жилищ позднего неолита в районе Черной Губы автору не удалось обнаружить доказательств существования срубного жилища в это время. Стены жилищ в тот период строились из горизонтально лежащих бревен. Столбовые ямки вдоль стен (обычно хорошо выявляемые в процессе раскопок) отсутствуют. Данное обстоятельство указывает на то, что уже прекратилось строительство жилищ столбовой конструкции. Однако имеющиеся материалы не позволяют говорить об устойчиво сложившейся конструкции сруба. У более ранних жилищ (Черная Губа III, Черная Губа IX, жилища 1–4) короткие стены и углы построек выражены нечетко, утолщения или выступы углистых полос в углах не отмечены. Похожие жилища бытовали при переходе от неолита к энеолиту на территории Зауралья [Старков, 1983. С. 95–99]. В Прибалтике с гребенчато-ямочной керамикой связан иной тип жилища. На поселении Звидзе обнаружена наземная постройка столбовой конструкции из вертикально стоящих бревен, размерами 10,0 × 4,0 м [Лозе, 1988. С. 22]. Не завершился процесс сложения срубного жилища и на поселениях волосовской культуры: здесь углы построек, сложенные из горизонтально лежащих бревен, укреплены с помощью столбов [Бузин, 1990. С. 32–43]. На поселениях с ромбоямочной посудой также основания жилищ не имеют четких углов, тем более перекрестий в углах. Позднее очертания стен по всему периметру выявляются четче (Черная Губа IV), а у жилищ с асбестовой керамикой (Черная Губа IX, жилище 5) заметны и утол-

щения в углах. Скорее всего, именно в этот период на территории Карелии постепенно формируются традиции строительства срубного жилища, однако завершился ли этот процесс, с полной уверенностью сказать трудно. Заслуживает внимания предположение А. М. Жульникова, что присыпка стен грунтом могла способствовать укреплению конструкции жилищ [Жульников, 2003. С. 54–60].

О способах крепления кровли в жилищах позднего неолита и энеолита точных данных нет. Впрочем, следует указать, что в позднем неолите в наиболее длинном жилище (11 м) на поселении Черная Губа IX в центральной части пола зафиксированы четыре столбовые ямки, вероятно, от опор поддерживавших крышу. Кроме того, на поселении Черная Губа III на полу жилища 2 были найдены куски обгоревшей бересты. Не исключено, что они являлись частью покрытия крыши [Витенкова, 2002. С. 57]. Довольно крупные (до полуметра шириной) куски бересты, уложенные пластами, а также обгоревшие тонкие бревна, возможно, представлявшие собой части каркаса крыши, были обнаружены в жилищах с асбестовой керамикой на поселении Сумозеро XV в Беломорье [Жульников, 2005. С. 85–87].

Итак, на основании рассмотренных в статье материалов можно прийти к выводу, что древние жители Карелии и в конце неолита, и в эпоху раннего металла использовали особенности местных ландшафтов для облегчения строительства жилищ. Жилые постройки располагались в междувальях, обычно вдоль берега, выходы в большинстве случаев параллельны берегу, видимо, для защиты от ветра.

Самые ранние полуземляночные жилища, связанные с гребенчато-ямочной керамикой позднего неолита, были прямоугольными, с двумя выходами в противоположные стороны; позднее, в период существования ромбоямочной керамики, преобладали постройки почти квадратных очертаний с одним выходом. Затем, в позднем энеолите, увеличивается количество и разнообразие жилищ. Появляются оригинальные сооружения, необычно глубокие (Кудамгуба VII), необычно длинные (Шелтозеро XII), с пристройками-тамбурами (Оровнаволок XVI). Но чаще всего встречаются сооружения прямоугольной формы с двумя выходами в противоположные стороны, то есть близкие по очертаниям к жилищам позднего неолита. Возможно, такие жилища оказались наиболее удобными, но нельзя исключать и существование генетических связей между носителями гребенчато-ямочной и асбестовой керамики.

Литература

Бузин В. С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // Совет. археология. 1990. № 3. С. 32–43.

Витенкова И. Ф. Поселение Лакшозеро II с чистым комплексом гребенчато-ямочной керамики // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1986. С. 119–138.

Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2002. 182 с.

Витенкова И. Ф. Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2009. С. 69–97.

Елина Г. А., Лукашов А. Д., Токарев П. Н. Картографирование растительности и ландшафтов на временных срезах голоцена таежной зоны Восточной Фенноскандии. СПб.: Наука, 2005. 112 с.

Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1999. 187 с.

Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.

Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. 205 с.

Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 222 с.

Лобанова Н. В. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2009. С. 44–68.

Лозе И. А. Поселения каменного века Лубанской низины: мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 206 с.

Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник № 6. Петрозаводск: Б.и., 2001. С. 201–203.

Мельников И. В. Неолитический памятник Вождариха 4 в южном Заонежье // Кижский вестник № 10. Петрозаводск: Б.и., 2005. С. 216–248.

Мельников И. В. О новом комплексе памятников первобытной археологии на территории южного Заонежья // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. и докл. Соловки: Б.и., 2006. С. 98–105.

Панкрушев Г. А. Отчет о работе Онежского отряда Карельской археологической экспедиции за 1973 год // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 311.

Песонен П. Э. Отчет о работе Суоярвского отряда Карельской археологической экспедиции за 1985 год // Там же. Ф. 1. Оп. 50. № 997.

Старков В. Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М.: Б.и., 1983. С. 95–101.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Витенкова Ирина Филипповна

научный сотрудник сектора археологии, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: plavira@onego.ru
тел.: (8142) 702991

Vitenkova, Irina

Institute of Language, Literature and History
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: plavira@onego.ru
tel.: (8142) 702991